

МОИ
ПЕРВЫЕ
КНИЖКИ

А. МИТЯЕВ

ЗЕМЛЯНКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

М О И П Е Р В Ы Е К Н И Ж К И

А. М И Т Я Е В

ЗЕМЛЯНКА

РАССКАЗЫ

РИСУНКИ
Н.ЦЕЙТЛИНА

МОСКВА
•ДЕТСКАЯ
ЛИТЕРАТУРА*

1976

Библиотека Ладовед 2019г.

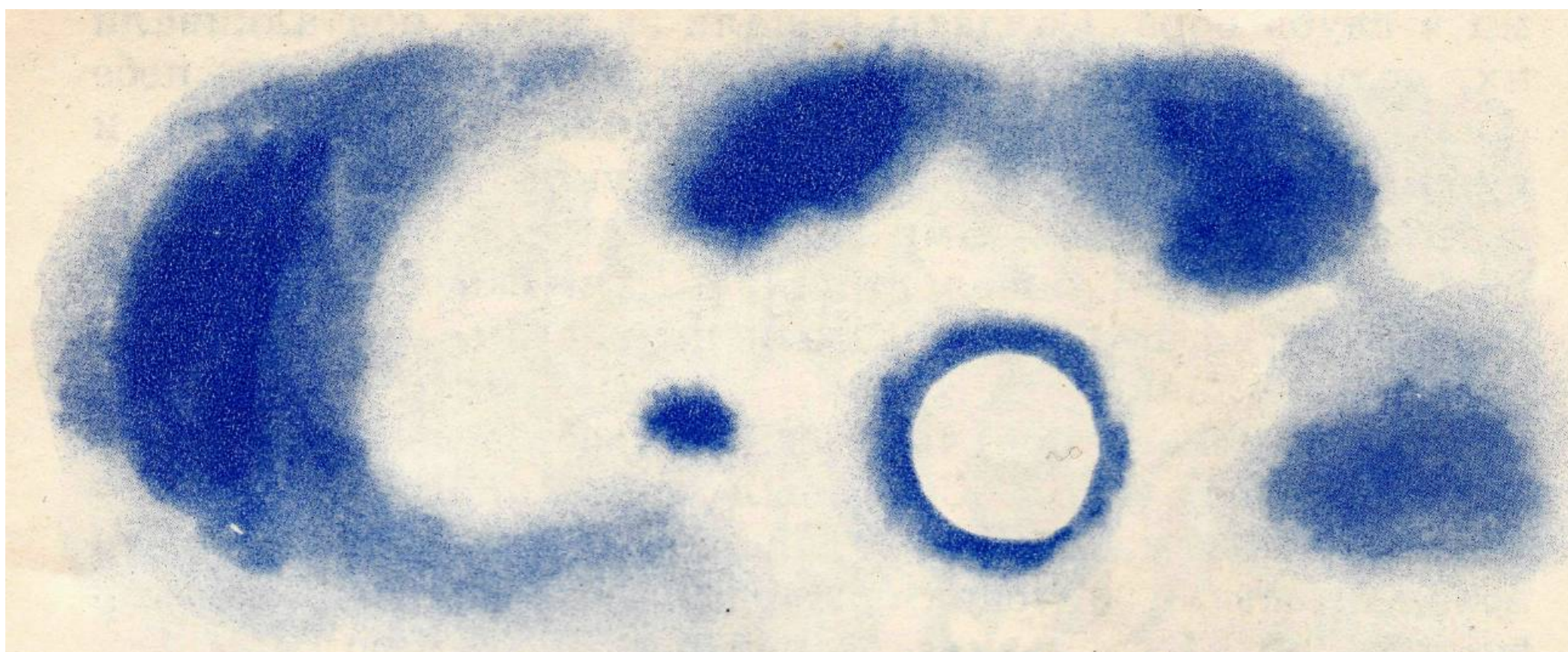

М 70801-303₀оп
М М101(03)76°"

ИДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1976 г.

ЗЕМЛЯНКА

Всю ночь артиллерийский дивизион мчался по шоссе к фронту. Было морозно. Луна освещала редкие лесочки и поля по краям дороги. Снежная пыль клубилась за автомобилями, оседала на задних бортах, покрывала наростами чехлы пушек. Солдаты, дремавшие в кузове под брезентом, прятали лица в колючие воротники шинелей, прижимались плотнее друг к другу.

В одном автомобиле ехал солдат Митя Корнев. Ему было восемнадцать лет, и он ещё не видел фронта. Это непростое дело: днём быть в тёплой городской казарме далеко от войны, а ночью оказаться на фронте среди морозных снегов.

Ночь выдалась тихая: не стреляли пушки, не взрывались снаряды, не горели ракеты в небе.

Поэтому Митя не думал о сражениях. А думал он о том, как могут люди всю зиму пробыть в полях и лесах, где нет даже плохонькой избушки, чтобы отогреться и переночевать! Это тревожило его. Ему казалось, он непременно замёрзнет.

Наступал рассвет. Дивизион свернул с шоссе, проехал полем и остановился на опушке соснового бора. Автомобили один за другим медленно пробирались между деревья-

ми в глубь бора. Солдаты бежали за ними, подталкивали их, если колёса буксовали. Когда в посветлевшем небе появился немецкий самолёт-разведчик, все машины и пушки стояли под соснами. Сосны укрыли их от вражеского лётчика мохнатыми ветками.

К солдатам пришёл старшина. Он сказал, что дивизион будет стоять тут не меньше недели, поэтому надо строить землянки.

Мите Корневу поручили самое простое дело: очистить площадку от снега. Снег был неглубокий. На лопату Мите попадали шишки, опавшая хвоя, зелёные, будто летом, листики брусники. Когда Митя задевал лопатой землю, лопата скользила по ней, как по камню.

«Как же в такой каменной земле копать яму?» — думал Митя.

Тут пришёл солдат с киркой. Он долбил в земле канавки. Ещё один солдат всаживал в канавки лом и, налегая на него, отковыривал большие заледеневшие куски. Под этими кусками, как мякиш под жёсткой коркой, был рыхлый песок.

Старшина ходил и глядел, всё ли делается правильно.

— Не кидай песок далеко, — сказал он Мите Корневу, — пролетит фашистский разведчик, увидит в белом лесу жёлтые квадраты, вызовет по радио бомбардировщиков... Достанется на орехи!

Когда широкая и длинная яма стала Мите по пояс, в середине прокопали канаву — проход. По обе стороны от прохода получились нары. У краёв ямы поставили столбы, на них прибили бревно. Вместе с другими солдатами Митя пошёл рубить слежки.

Слежки клали одним концом на бревно, другим — на землю, так же, как делают шалаш. Потом их закидали лапником, на лапник положили мёрзлые земляные глыбы, глыбы засыпали песком и для маскировки припорошили снегом.

— Иди за дровами, — сказал старшина Мите Корневу, — наготовь побольше. Чуешь, мороз крепчает! Да руби только ольху и берёзу — они и сырые хорошо горят...

Митя рубил дрова, его товарищи в это время застелили нары мелким мягким лапником, прикатали в землянку железную бочку. В бочке было две дыры — одна снизу, чтобы класть дрова, другая сверху, для трубы. Трубу

сделали из пустых консервных банок. Чтобы не было видно ночью огня, на трубе укрепили козырёк.

Первый фронтовой день Мити Корнева прошёл очень быстро. Стемнело. Мороз усилился. Снег скрипел под ногами часовых. Сосны стояли будто окаменевшие. В синем стеклянном небе мерцали звёзды.

А в землянке было тепло. Жарко горели ольховые дрова в железной бочке. Только иней на плащ-палатке, которой завесили вход в землянку, напоминал о лютном холоде. Солдаты расстелили шинели, под головы положили вещевые мешки, укрылись шинелями и уснули.

«До чего же хорошо спать в землянке!»—подумал. Митя Корнев и тоже уснул.

- Но спать солдатам пришлось мало. Дивизиону было приказано немедленно отправиться на другой участок фронта: там начались тяжёлые бои, В небе ещё дрожали ночные звёзды, когда автомобили с пушками стали выезжать из леса на дорогу,

"Дивизион мчался по шоссе. Клубилась снежная пыль за автомобилями и пушками. В кузовах на ящиках со снарядами сидели солдаты. Они прижимались друг к другу потеснее и прятали в колючие воротники шинелей лица, чтобы не так жгло морозом.

МЕШОК ОВСЯНКИ

В ту осень шли долгие холодные дожди. Земля пропиталась водой, дороги раскисли. На просёлках, увязнув по самые оси в грязи, стояли военные грузовики. С подвозом продовольствия стало очень плохо.

В солдатской кухне повар каждый день варил только суп из сухарей: в горячую воду сыпал сухарные крошки и заправлял солью.

В такие-то голодные дни солдат Лукашук нашёл мешок овсянки. Он не искал ничего, просто привалился плечом к стенке траншеи. Глыба сырого песка обвалилась, и все увидели в ямке край зелёного вещевого мешка.

— Ну и находка! — обрадовались солдаты. — Будет пир горой... Кашу сварим!

Один побежал с ведром за водой, другие стали искать дрова, а третьи уже приготовили ложки.

Но когда удалось раздуть огонь и он уже бился в дно ведра, в траншею спрыгнул незнакомый солдат. Был он худой и рыжий. Брови над голубыми глазами тоже рыжие. Шинель выношенная, короткая. На ногах обмотки и растоптанные башмаки.

— Эй, братва! — крикнул он сиплым, простуженным голосом. — Давай мешок сюда! Не клали — не берите.

Он всех просто огорошил своим появлением, и мешок ему отдали сразу.

Да и как было не отдать? По фронтовому закону надо было отдать. Вещевые мешки прятали в траншеях солдаты, когда шли в атаку. Чтобы легче было. Конечно, оставались мешки и без хозяина: или нельзя было вернуться за ними (это если атака удавалась и надо было гнать фашистов), или погибал солдат. Но раз хозяин пришёл, разговор короткий — отдать.

Солдаты молча наблюдали, как рыжий уносил на плече драгоценный мешок. Только Лукашук не выдержал, съязвил:

— Вон он какой тощий! Это ему дополнительный паёк дали. Пусть лопают. Если не разорвётся, может, потолстеет.

Наступали холода. Выпал снег. Земля смёрзлась, стала твёрдой. Подвоз наладился. Повар варил в кухне на колесах щи с мясом, гороховый суп с ветчиной. О рыжем солдате и его овсянке все забыли.

ч   Готовилось большое наступление.

^{1*} По скрытым лесным дорогам, по оврагам шли длинные
if вереницы пехотных батальонов. Тягачи по ночам тащили
к передовой пушки, двигались танки.

«&»^{1*} Готовился к наступлению и солдат Лукашук с товари-
|>»^{1*} щами.

Было ещё 1*емно, когда пушки открыли стрельбу. Посветлело — в небе загудели самолёты. Они бросали бомбы на фашистские блиндажи, стреляли из пулемётов по вражеским траншеям.

Самолёты улетели. Тогда загромыхали танки. За ними бросились в атаку пехотинцы. Лукашук с товарищами тоже бежал и стрелял из автомата. Он кинул гранату в немецкую траншею, хотел кинуть ещё, но не успел: пуля попала ему в грудь. И он упал.

Лукашук лежал в снегу и не чувствовал, что снег холодный. Прошло какое-то время, и он перестал слышать грохот боя. Потом свет перестал видеть — ему казалось, что наступила тёмная тихая ночь.

Когда Лукашук пришёл в сознание, он увидел санитаря. Санитар перевязал рану, положил Лукашука в

лодочку — такие фанерные саночки. Саночки заскользили, заколыхались по снегу. От этого тихого колыхания у Лукашука стала кружиться голова. А он не хотел, чтобы голова кружилась, — он хотел вспомнить, где видел этого санитаря, рыжего и худого, в выношенной шинели.

— Держись, браток! Не робей — жить будешь!.. — слышал он слова санитаря.

Чудилось Лукашуку, что он давно знает этот голос. Но где и когда слышал его раньше, вспомнить тоже не мог.

В сознание Лукашук снова пришёл, когда его перекладывали из лодочки на носилки, чтобы отнести в большую палатку под соснами: тут, в лесу, военный доктор вытаскивал у раненых пули и осколки.

Лёжа на носилках, Лукашук увидел саночки-лодку, на которых его везли до госпиталя. К саночкам ремёнными постромками были привязаны три собаки. Они лежали в снегу. На шерсти намёрзли сосульки. Морды обросли инеем, глаза у собак были полужакрыты.

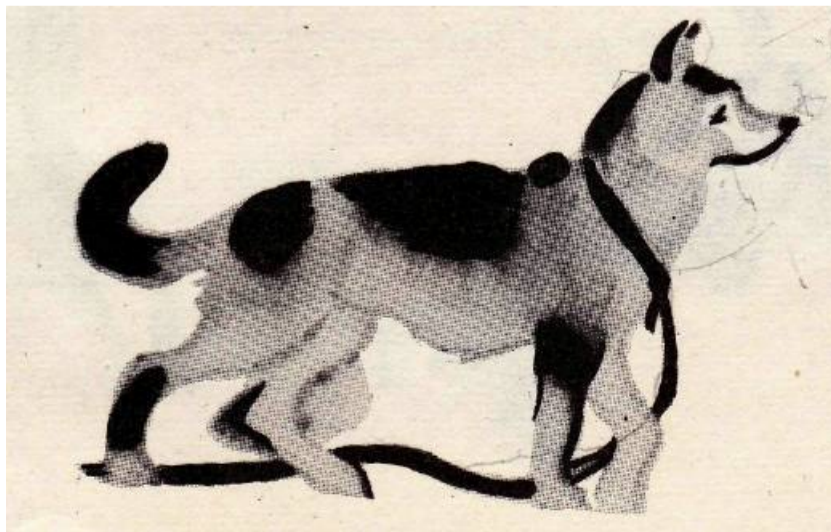
К собакам подошёл санитар. В руках у него была каска, полная овсяной болтушки. От неё валил пар. Санитар воткнул каску в снег постудить — собакам вредно горячее. Санитар был худой и рыжий. И тут Лукашук вспомнил, где видел его. Это же он тогда спрыгнул в траншею и забрал у них мешок овсянки.

Лукашук одними губами улыбнулся санитарю и, кашляя и задыхаясь, проговорил:

— А ты, рыжий, так и не потолстел. Один слопал мешок овсянки, а всё худой.

Санитар тоже улыбнулся и, ткнув рукой ближнюю собаку, ответил:

— Овсянку-то они съели. Зато довели тебя в срок. А я тебя сразу узнал. Как увидал в снегу, так и узнал... — И добавил убеждённо: — Жить будешь! Не робей!..

РАКЕТНЫЕ СНАРЯДЫ

Все видели военные ракеты: кто на параде видел, кто в кино, кто на картинке. Ракеты огромные — иная высотой с дерево. А начались теперешние ракеты с эрзов — ракетных снарядов. Ими стреляли «катюши».

В начале войны никто ничего не знал об этих первых ракетах. Их хранили в тайне, чтобы фашисты не могли сделать себе такие же. Не знал о них и наш солдат — сапёр Кузин.

Вот что однажды с ним случилось.

С самого вечера, как стемнело, командир послал Кузина ставить в лощинке мины. Чтобы вражеские танки не могли по этой лощинке подобраться к нашим окопам.

Ставить мины — нелёгкое дело. Немцы пускают в небо осветительные ракеты. Одна ракета догорает, вспыхивает другая. И всё вокруг — даже былочку полыни, торчащую из снега, — видно как днём. Кузина спасал от немецких наблюдателей маскировочный костюм. Поверх ватных брюк и телогрейки на сапёре были надеты белая куртка с капюшоном и белые шаровары*

Сапёр поставил мины, засыпал их снежком и пополз

назад, в окопы к пехотинцам. Там он рассказал, где стоят мины, даже рисунок сделал — чтобы нашим на наши же мины не наскочить — и пошёл в свою часть.

Он шёл ночным лесом. В лесу было тихо, только изредка шлёпались с веток снеговые комки. Воздух был не по-зимнему тёплый — приближалась весна. Настроение у Кузина было хорошее. Мины он поставил удачно: пехотинцы довольны. А ещё знал он, что ждут его в землянке товарищи, беспокоятся о нём, чаёк держат на печке горячим.

В то время, когда Кузин засыпал снегом мины, недалеко от землянки сапёров остановились странные автомобили. На них, как лестницы на пожарных машинах, были подняты лёгкие металлические рельсы. Потом подъехали обычные грузовики. В их кузовах лежали ракетные снаряды. Солдаты снимали снаряды с грузовиков и клали на рельсы боевых машин. «Катюши» — а это были они — готовились ударить по фашистским танкам.

Фашисты догадывались, что за их танками, притаившимися у переднего края, будет охота. Они послали в ночную разведку самолёт. Самолёт пролетел над лесом раз, другой. Ничего не обнаружил и, улетаая, на всякий случай пустил пулемётную очередь. Кузин видел, как с неба в лес пронеслась цепочка красных огоньков — светящихся пуль. Сапёр подумал, что если бы он шёл чуть скорее, то в самый раз угодил бы под эти пули. А теперь они, сбив несколько берёзовых веток, ушли под снег и впились в мёрзлую землю.

Но надо же случиться такому! Одна пуля попала в ракетный снаряд, лежавший на снегу. Она пробила ту часть, где было горючее. Горючее вспыхнуло. И снаряд пополз. Если бы он был нацелен в небо, он тут же улетел бы.

Но он лежал на снегу и мог только ползти.

Снаряд с рёвом полз по лесу, натыкался на деревья, кружился около них, обжигая пламенем кору и ветки. Потом, взобравшись на кочку, вдруг ринулся вперёд по воздуху и снова плюхнулся в снег в нескольких шагах от сапёра Кузина.

Сапёр не раз бывал под обстрелом, под бомбёжкой, никогда не терял присутствия духа, а тут испугался так, что стоял столбом.

Горючее в ракетном снаряде кончилось, и он, подпрыгнув раз-другой, затих в кустах можжевельника. А Кузин, крадучись, отошёл от него и кинулся бежать.

В землянке сапёр рассказал товарищам о том, что с ним случилось. Товарищи посочувствовали Кузину и изругали непонятную бешеную штуку последними словами. А лейтенант сапёров накинул полушубок и пошёл узнать, в чём дело.

Скоро он увидел «катюши», разыскал их командира и стал выговаривать ему.

— Это что же получается? До полусмерти напугали своего же солдата... Могли бы беду наделать. Вдруг снаряд взорвался бы...

— Прошу простить нас, — сказал командир «катюш», — да только мы не виноваты. Это немец поджёг эрэс. А взорваться он не мог. В нём не было взрывателя. Как раз сейчас мои солдаты ввёртывают взрыватели. Пройдёт десять минут, и мы дадим залп ракетами по немецким танкам. Вот уж кого напугаем! Не до полусмерти — до смерти. Скажите своему сапёру — пусть пойдёт спать, а посмотрит, как мы стреляем.

Сапёры стояли у землянки, когда за чащей деревьев в снег ударили оранжевые языки огня. Воздух наполнился рёвом и грохотом. Огненные следы полоснули чёрное небо. Вдруг всё стихло. А через какие-то минуты за линией наших окопов и ещё дальше — там, где притаились танки врага, заухало и заколотило. Это взрывались эрэсы — ракетные снаряды.

Перед тем как лечь спать, сапёры заставили Кузина повторить рассказ о встрече с эрэсом. На этот раз никто не ругал снаряд. Наоборот, все хвалили.

